

УДК 323.22/.28:655.4/.5(571.14-25)
<https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-4-67-75>

«ПРОЦЕСС ЧЕТЫРЕХ» В САМИЗДАТЕ: НОВОСИБИРСКАЯ ВЕРСИЯ

“THE PROCESS OF FOUR” IN SAMIZDAT: NOVOSIBIRSK VERSION

© **Яранцев Владимир Николаевич**

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник лаборатории книговедения, сектор самиздата и нетрадиционной печати, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН), ул. Восход, 15 Новосибирск, 630200, Россия, ORCID 0000-0002-3143-0017, yarancev@spsl.nsc.ru

Одно из самых значимых и известных изданий самиздата – сборник «Процесс четырех» – рассматривается в нескольких аспектах: как наследующий традиции предшествующего сборника самиздата «Белая книга», как революционный (массив писем в защиту обвиняемых) для начала правозащитного движения в СССР и как уникальный текст, имеющий свою, особую рукописную версию. Личность создателя этой оригинальной копии – ученого из новосибирского Академгородка А. И. Фета – трактуется как играющая большую роль с точки зрения бытования рукописи «Процесса четырех», ее изучения и толкования. Особое внимание уделяется процессу создания копии в конце 1960-х гг., происходившему не только на фоне преследования инакомыслия в Академгородке, где печаталась копия сборника, но и параллельно работе А. И. Фета по изучению, переводу, печатанию предназначенных также для самиздата трудов известных биологов, психологов, философов. Подчеркивается и обосновывается неслучайность создания этой копии «Процесса четырех» именно А. И. Фетом, но оговаривается, что копия могла быть напечатана им частично и рукопись включала в себя уже готовые части (блоки) исходного текста. Освещаются взгляды А. И. Фета на диссидентство и правозащитную деятельность, отличающиеся неортодоксальностью и оригинальностью, цитируются многочисленные произведения из собрания его научно-философского и публицистического наследия. Это позволяет не только по-иному взглянуть на контекст и обстоятельства создания машинописи сборника, но и осветить некоторые моменты истории раннего самиздата в СССР второй половины 1960-х гг. и деятельности его представителей.

Ключевые слова: «Процесс четырех», сборник, машинопись, диссидент, психология, А. И. Фет, интеллигенция

Yarantsev Vladimir Nikolaevich

Candidate of Philological Sciences, Junior Researcher of the Laboratory of Book Studies, Samizdat and Non-traditional Printing Sector, State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL SB RAS), Voskhod St., 15, Novosibirsk, 630200, Russia, ORCID 0000-0002-3143-0017, yarancev@spsl.nsc.ru

One of the most significant and well-known samizdat publications – the collection “The Process of Four” – is considered in several aspects: as inheriting the traditions of the previous samizdat collection “The White Book”, as revolutionary (an array of letters in defense of the accused) for the beginning of the human rights movement in the USSR and as a unique text, which has its own, special handwritten version. The personality of this original copy creator – the scientist from Novosibirsk Akademgorodok A. I. Fet – is interpreted as playing an important role in terms of the manuscript “The Process of Four” existence, its study and interpretation. Particular attention is paid to the process of creating its copy in the late 60s, which took place not only against the background of the persecution of differently minded in Akademgorodok, where the copy of the collection was printed, but also in parallel with the work of A. I. Fet on studying, translating and printing works of famous biologists, psychologists, philosophers, also intended for samizdat. It is emphasized and substantiated that the creation of this copy of “The Process of Four” by A. I. Fet, but it is stipulated that this copy could have been partially printed by him, and the manuscript included ready-made parts (blocks) of the original text. The views of A. I. Fet on dissidence and human rights activities, characterized by unorthodoxy and originality are elucidated, numerous works from the collection of his scientific, philosophical and journalistic heritage are cited. This allows not only to take a different look at the context and circumstances of this collection typescript creation, but also to highlight some moments in the history of early samizdat in the USSR in the second half of the 1960s and its representatives’ activities.

Keywords: «The Process of Four», collection, typescript, dissident, psychology, A. Fet, intelligentsia

Введение

В разнообразных фондах и собраниях документов самиздата «Процесс четырех» занимает особое место. Связано это, с одной стороны, с тем, что именно после этого процесса начало формироваться диссидентское правозащитное движение, укрепившееся с появлением «первой и единственной газеты самиздата: «Хроника текущих событий». По выражению Г. Кузовкина, «“Хроника” – это первое отечественное издание, созданное в жанре правозащитного мониторинга и публицистики» [1, с. 38]. Отсюда и возможность введения понятия «правозащитный самиздат» с «огромным количеством текстов», посвященных только «политическим преследованиям», например, «письмам протеста» [2, с. 20–21]. С другой стороны – именно сборник материалов по «Процессу четырех» поддерживал традиционную линию самиздата, которая появилась в конце 1950-х гг. после шельмования Б. Пастернака и его романа «Доктор Живаго» на общем собрании московских писателей и может быть названа «литературной». После опубликования записей суда над И. Бродским в 1964 г., сделанных Ф. Вигдоровой, тенденция переросла в традицию, поддержанную А. Гинзбургом в его «Белой книге» о процессе над А. Синявским и Ю. Даниэлем. И только после «Процесса четырех» и одноименного сборника, составленного П. Литвиновым, стало очевидным появление другой тенденции, отличной от литературоцентричной – правозащитного самиздата. Эта пограничность, двоякость сборника «Процесс четырех» еще, по сути, не исследована в работах о самиздате.

Как предмет изучения, научной рефлексии самиздат остается понятием дискуссионным, подлинным феноменом, требующим всестороннего осмысления, в первую очередь культурологического, объединяющего многие подходы в изучении. Так, Ю. А. Русина пишет, что «самиздат – это обширный культурный пласт со множеством слоев разнородных мнений, взглядов, поведенческих проявлений», подразумевая «не только некий письменный документ, но и широкую палитру жизни позднего советского общества» [3, с. 26]. Этот же подход, наряду с историческим, энциклопедическим, очевиден и в основополагающей книге Л. А. Алексеевой «История инакомыслия в СССР»: «Как массовое явление, как основное средство самопознания и самовыражения общества самиздат – явление уникальное» [4, с. 224]. Из работ, касающихся непосредственно сборника, отметим статью Е. Г. Серебряковой «“Процесс четырех” в контексте “петиционных кампаний”» советских нонконформистов 1960-х гг.: становление категории идентичности «правозащитник» [5].

Цель нашей статьи – ввести в историко-культурологический контекст указанного сборника

личный контекст / аспект, личность создателя копии «Процесса четырех» – А. И. Фета, ученого, переводчика, писателя, публициста, инакомыслящего. Метод исследования можно охарактеризовать как культурологический, с акцентом на историко-биографический и литературоведческий. Такую методику диктуют особенности жанра исследуемого документа, стоящего на грани литературного и правозащитного текста, а также отсутствие «обобщающего труда, в котором рассматривалась бы история такого многопланового явления, как самиздат» [6, с. 19].

Введением в проблематику жанров самиздата, во многом соответствующем содержанию статьи, можно считать дискуссионный доклад О. Розенблюм в Международном обществе «Мемориал» в 2017 г. о преобладании «литературности» над «документальностью» в записях Ф. Вигдоровой на процессе И. Бродского. А. Даниэль согласился с докладчицей в наличии «литературного контекста» в этих записях и с тем, что это – «литературное явление», «знак литературоцентричности эпохи» [7, с. 259]. В. Орлов, сравнивая текст сборника «Процесс четырех» с «официальным судебным протоколом», утверждал, что корректировала текст книги «и та и другая сторона», то есть и добровольные стенографисты процесса, и его протоколисты [7, с. 266]. Однако над стенограммой «Процесса четырех» работал не один, а сразу несколько человек: записывали сам П. Литвинов, Н. Горбаневская и О. Тимофеева-Галанскова, расспрашивая выходящих из зала; печатала М. Рубина [8, с. 121–122]. Таким образом, неопределенность жанровой природы «Процесса четырех», имевшего типологические черты как литературного, так и правозащитного самиздата, свидетельствует о том, что на этом переломе тенденции (от «литературы» к «документу») самиздат, даже в «золотую» эпоху своего расцвета, имел характер крайне размытый в жанровом смысле, что осложнялось к тому же проблемами распространения, бытования, архивирования текстов, границ самиздата вообще [9, с. 25–27].

Предыстория и структура сборника «Процесс четырех»

Сборник «Процесс четырех» во многом следовал духу, структуре и содержанию «Белой книги» – собрания документов по делу А. Синявского и Ю. Даниэля. Этот заголовок, данный книге составителем А. Гинзбургом (хотя он это и отрицал), был не просто ее названием, как подборки документов и материалов по какому-то вопросу, проблеме – в этом случае судебному процессу, а выражением отношения к произошедшему. В таком понимании «Белая книга» – это, по сути, обвинение со списком преступных деяний властного режима против того или иного неугодного

ему общественного движения или группы лиц. Две грани – обвинительная и правозащитная – придают своеобразие данному жанру, в том числе и «“Белой книге” по делу А. Синявского и Ю. Даниэля», которая создавалась и как альтернатива готовившемуся в официальном Издательстве политической литературы «Отчету о деле Синявского и Даниэля».

Но все-таки «Белая книга», составленная А. Гинзбургом, оказалась альтернативной только в определенном смысле: документы в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля опубликованы здесь на равных с документами обвинительными, резко, часто злобно и беспощадно критикующими их деятельность. Составитель сборника материалов «Процесса четырех» П. М. Литвинов подобную дихотомическую структуру «Белой книги» А. Гинзбурга заимствует, за исключением заголовка, записав в уведомлении «От составителя», что он «стремился к максимальной объективности»¹. Важным моментом тут было, что составитель и автор «Белой книги» стал основным фигурантом судебного процесса – и это дополнительный аргумент в пользу того, что сборник по «Процессу четырех» практически дублирует основную дихотомию «Белой книги», на которой лежит печать личности и убеждений А. Гинзбурга.

Особенностью последовавшего за делом А. Синявского и Ю. Даниэля «Процесса четырех» было то, что второе громкое дело против советских диссидентов обозначало явную тенденцию и решимость власти в дальнейшем жестко подавлять малейшие проявления инакомыслия не только в области литературы, как это было с А. Синявским и Ю. Даниэлем, но и в любой другой сфере. Так, если дело А. Синявского и Ю. Даниэля носило явно литературный характер, благодаря их произведениям, опубликованным за границей, то в «деле четырех» упор делался на «антисоветскую агитацию» и «преступную связь с НТС» (Народно-трудовой союз), то есть на распространение произведений и публикаций любых крамольных авторов. Назвать же писателями А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Добровольского, а тем более В. Лашкову трудно. Поэтому «Процесс четырех» и вызвал столь многочисленные отклики в СССР и за границей, обнаружив стремление власти пресекать любые проявления вольнодумства: очевидно, что с точки зрения литературного таланта, известности фигуры А. Синявского и Ю. Даниэля, с одной стороны, и четверо обвиняемых на процессе 1968 г. – с другой, стояли на совершенно разных уровнях. Именно поэтому наибольший вес в сборнике материалов «Процесс четырех» имеют разделы книги «Отношение общественного мнения» и «Освещение дела в печати» (IV и V части), занимающие около половины всего текста. И если

материалы из лагеря обвинителей, чьих речей и статей в книге достаточно много, исследовательского интереса не вызывают в силу их заказного, конъюнктурного характера, то блок материалов сторонников обвиняемых более интересен, поскольку содержит коллективные письма протеста с большим количеством подписей.

Подписавший одно из таких писем – новосибирское письмо сорока шести – доктор физико-математических наук Абрам Ильич Фет и является, очевидно, автором машинописной копии сборника «Процесс четырех». Прежде всего, встает вопрос о первоисточнике, с которого новосибирский ученый перепечатывал сборник. Известно, что его составитель П. Литвинов, прекратив свою работу 24 августа 1968 г. (вынужденно, из-за демонстрации на Красной площади 25 августа и ареста), отмечал в предисловии недоработанность текста в области, касающейся «источников своей информации или степени достоверности того или иного факта», а также «недостаточной» разработанности «метода составления подобных сборников» (очевидно, еще и поэтому, то есть в силу сложности составления книги, П. Литвинов ориентировался на «метод» «Белой книги»). Действительно, так быстро, за несколько месяцев, с января по август 1968 г. составить безупречно такую большую книгу затруднительно. В то же время, учитывая специфику сборника, рассчитанную не на обычные издательства, а на нелегальное распространение, эта книга вполне вписывалась в формат самиздатских текстов. Не случайно в конце предисловия П. Литвинов «благодарит всех, кто окажет содействие в публикации и распространении настоящего сборника»².

Таким образом, А. И. Фет, делая машинописную копию «Процесса четырех», получал право изменять текст в соответствии с появившейся новой информацией. В машинописи А. И. Фета эти изменения, однако, не очень значительны: в рисунке-схеме суда – расположении сторон обвинения и защиты, охраны, зала вместо слов «солдаты» нарисованы фигурки человечков с ружьями³; «письмо двадцати четырех (писательское)» исправлено на «письмо двадцати пяти» после добавления еще одного подписанта – В. Максимова; в числе подписантов других писем кое-где появляется имя поэта С. Чудакова; «в конце апреля этого года» исправлено на «в конце мая этого года», внесено еще несколько мелких исправлений. В целом же состав сборника сохранен, что, очевидно, объясняется отдаленностью автора копии от Москвы и происходивших там основных событий вокруг процесса, закончившегося осуждением обвиняемых на большие сроки, и тем более

¹ Процесс четырех (сборник материалов по делу А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Добровольского, В. Лашковой) // ГПНТБ СО РАН. Сектор самиздата. Архив А. И. Фета. Л. 2.

² Процесс четырех (сборник материалов по делу А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Добровольского, В. Лашковой) // ГПНТБ СО РАН. Сектор самиздата. Архив А. И. Фета. 392 л.

³ Там же. Л. 35.

от Европы, в которой финал «Процесса четырех» вызвал, согласно публикациям прессы, не меньший резонанс (см. журналы «Посев» и «Грани», газету «Русская мысль» и т. д.). А. И. Фет после подписания «Письма сорока шести» был уволен из Института математики АН СССР и оставался безработным в течение четырех лет. Видимо, этим временем, между 1968 и 1972 гг., и следует датировать перепечатку сборника «Процесс четырех», составленного П. Литвиновым. Вообще, период вынужденной безработицы был для А. И. Фета весьма плодотворным. Интенсивность его работы удивляет: наряду с перепечаткой «Процесса четырех» он печатал собственные переводы книг западных авторов по биологии, психологии, литературе: К. Лоренца, Э. Берна, Э. Фромма, К. Поппера, Дж. Оруэлла и многих других, то есть, по сути, создавал настоящую библиотеку самиздата, одновременно зарабатывая себе на жизнь. Поэтому необходимо рассматривать машинопись «Процесса четырех» в контексте общей работы А. И. Фета по печатанию переводов и заказов.

Сама машинопись состоит из нескольких блоков, каждый со своей нумерацией, что позволяет предположить, что А. И. Фет печатал «Процесс четырех» не подряд, а по мере поступления частей и глав рукописи. Так, «Содержание» нумеруется римскими цифрами, от I-й до III-й; I раздел (часть) имеет нумерацию от 1 до 8, II – от 1 до 20, III – от 1 до 120, IV – 1–55, VI – 1–19, Приложение II – 1–7, Приложение III – 1–2, Приложение IV – 1–7, Справочный раздел – 1–8, Именной указатель – 1–25. И только часть V и Приложение I не имеют машинописной нумерации, кроме сквозной, общей для всех, обозначенной ручкой. Это усиливало ту сторону рукописи «Процесса четырех», которую можно условно обозначить как детективную, в том числе по отношению к сути и ходу процесса. В I части «Предыстория, личности обвиняемых» говорилось, очевидно, от лица составителя, о фигурантах будущего процесса как о лицах, искусственно сведенных в одно действие теми, кто «режиссировал» процесс, писал его «сценарий» с крайне запутанной интригой, в центре которой стоял А. Добровольский. Он, как самая загадочная фигура процесса, обладал амбивалентным поведением: во-первых, как друг и соратник А. Гинзбурга и Ю. Галанскова, помогая им в изготовлении и распространении оппозиционных материалов, а во-вторых, невольно или по заданию КГБ, способствуя обвинению в связях с НТС. Он сам признал себя виновным, и А. Гинзбург и Ю. Галансков получили намного большие сроки, чем он. Эта подгонка подлинных диссидентов под уголовные статьи, нужные обвинителям, была показана в почти стенографической записи допросов в суде и требовала не только юридического, правового анализа, но и психологического. Тем более что и А. Добровольский, и Ю. Галансков были пациентами психиатрических больниц и имели диагнозы психически неустойчивых.

Возможно, именно этот момент «дела четырех» побудил А. Фета углубиться в изучение психологии, занявшись переводами выдающегося биолога К. Лоренца и психолога и психиатра Э. Берна. Однако, согласно мнению его вдовы Л. П. Петровой, психологическая литература и психологические кружки были распространены в Академгородке не меньше, чем литературные. В своих воспоминаниях А. И. Фет именно Э. Берна назвал первым, кого он начал переводить: «Еще в 60-е меня заинтересовала психология по доктору Берну, я начал в ней разбираться (...), переводить его для Самиздата» [10, с. 45]. Оригинал Берна, по словам Л. П. Фет-Петровой, он взял в библиотеке А. В. Гладкого уже в Москве. Из-за такого совпадения можно предположить, что именно материал «Процесса четырех», который А. Фет, перепечатывая, досконально изучил, стимулировал уже имевшееся его увлечение психологией и психиатрией.

В итоге А. Гинзбург и Ю. Галансков свою вину в связях с НТС и в антисоветском характере «Белой книги» и «Феникса» (самиздатовский журнал, составленный Ю. Галансковым) не признали, а А. Добровольский признал, в значительной мере оговорив своих соучастников по процессу. Оправдывает его только то, что его личность была довольно сложно устроена, на грани нормальности и патологии. Тут и драма сталинизма, веры в него и безверия, и связанное с этим тюремное заключение, и неоднократное пребывание в психбольнице с итоговым диагнозом «шизофрения психоподобной формы»⁴. И на этой почве влечение к религии со стремлением «покинуть цивилизацию и уйти на лоно природы»⁵, а также статья в журнале «Грани» «Взаимоотношения знания и веры». В ней на основе анализа эмоции как сложного продукта трех составляющих – потребности в эмоциях, «прогностической информации» о внешнем мире и «наличной информации» об этом мире – делался вывод религиозного характера: «Тот, кто постоянно бьется над вопросами о смысле бытия (...), всегда будет чувствовать на своих плечах гнетущую тяжесть необъяснимых тайн жизни, всегда будет считать себя слабым и неполноценным в этом мире, пока не обратит свои взоры к миру иному, высшему» [12, с. 201]. Сложность фигуры А. Добровольского увидели и зарубежные аналитики «процесса четырех», например, из газеты «Русская мысль». В статье «Человеческая трагедия» под рубрикой «Документы нашего времени» говорилось о том, что «карательным органам, очевидно, удалось сломить этого, судя по его жизненному пути, совсем не ломкого человека». И далее: «Предательское поведение Добровольского на суде 8 января (1968 г. – прим. авт.), по всей вероятности, правда»,

⁴ Процесс четырех (сборник материалов по делу А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Добровольского, В. Лашковой). // ГИИТБ СО РАН. Сектор самиздата. Архив А. И. Фета. Л. 119.

⁵ Там же. Л. 56.

но «продиктовано» оно было, считает газета, «такими незаконными методами следствия, при мысли о которых стынет кровь»⁶.

Деятельность А. И. Фета как «диссидента» и ученого

В свете сложной судьбы А. Добровольского в «процессе четырех» далеко не однозначной предстает и судьба самого А. И. Фета и его опыта диссидента и самиздателя (см., напр., [13–15]). Участие в акции «Письмо сорока шести» он считал, согласно его поздним воспоминаниям, вынужденным, случайным: «Отказ расценили бы непременно как трусость», – говорил А. И. Фет в своих воспоминаниях [16, с. 92]. В другом интервью он сказал, что «к акциям, подобным "Письму сорока шести", относился иронически, подписал же его из моральных соображений, чтобы его оппозиционные настроения не остались лишь интеллигентской болтовней» [17, с. 214]. По своим политическим взглядам А. И. Фет был «убежденным противником существующего строя и считал бессмысленным обращаться к властям с какими-либо ходатайствами» [17, с. 214], и убеждений своих не скрывал. Теоретическому складу его ума, широкой эрудиции, а возможно, и собственным сложным психологии и характеру («характер у меня неприятный», – говорил он о себе [17, с. 214]), побуждавшими его к независимому поведению и обрекавшими на одиночество, свойственна была склонность к особой, «третьей» точке зрения на акции диссидентов. Через 23 года после подписания письма сорока шести и перепечатывания сборника «Процесс четырех» А. И. Фет написал весьма критический очерк «Анатомия диссидентства» из цикла «Письма из России». В нем он характеризовал диссидентство как робкое («боялись всяких революций» [18, с. 270]), непосредственное («люди, в чем-то не согласные с официальной доктриной, но в основном той же веры» [18, с. 274]), движение без «понятия цели» [18, с. 280]. В своем критическом пафосе А. И. Фет мог доходить и до крайностей: «Объективно весь этот хор подписантов лишь укреплял рабскую установку советского человека» [18, с. 281]. Но и склонен был диссидентов оправдывать как «лириков», людей сердца, эмоций: «Их движущим мотивом было лишь стремление облегчить свое душевное состояние, успокоить свою совесть» [18, с. 281]. Таким образом, он склонялся к «психологическому» объяснению диссидентства, все к той же психологии, которую так вдумчиво изучал своим математическим умом и так охотно переводил.

Кроме Э. Берна и трех его книг (к двум названным ранее примыкает книга «Секс в человеческой любви»), он перевел книги К. Хорни, Дж. Гриндера, Дж. Бейча и т. д. В связи с этим или нет, но А. И. Фет одновременно занимался

биологическими причинами поведения человека, его «социальных инстинктов», главным из которых считал «реакцию на социальную несправедливость». Эту мысль А. И. Фет почерпнул из книг К. Лоренца, основателя науки о поведении – этологии, особенно из первой и лучшей его книги «Так называемое зло» (1963), прочитанной им в оригинале едва ли не в год выхода. В ней австрийский биолог исследует институт внутривидовой агрессии во взаимодействии с половым инстинктом, выводя из этого взаимодействия появление у животных высших эмоций, поведения, «аналогичного моральному» [19, с. 281].

В этом смысле человек, наследующий претерпевший модификацию животный инстинкт, вносит в общество необходимую гармонию, так как делает это по врожденной «естественной склонности» [16, с. 288]. И далее: «Совершенно очевидно, что для преобразования чисто рассудочного сознания в императив или запрет необходим некоторый эмоциональный фактор» [16, с. 292]. Вывод А. И. Фета о наличии у человека социального инстинкта как «реакции на социальную несправедливость» [16, с. 106] весьма близок и этим словам К. Лоренца, и характеристике диссидентства как чисто эмоциональной деятельности, направленной только на защиту пострадавших от советского строя (правозащитное движение), а не против самого строя. В то время сам А. Фет к 1960-м гг. уже имел антисоветские взгляды, не стремясь, однако, реализовать их на практике. Необходимо лишь подождать, когда созреют условия для революции, и тогда может случиться нечто близкое революции польской начала 1980-х гг., о которой он написал одноименную документальную книгу («Польская революция»⁷), явно сочувствуя полякам.

Деятельность А. Фета, вступившего во второй половине 1960-х гг. на стезю диссидентства, ознаменовавшаяся перепечаткой типично диссидентского сборника «Процесс четырех», была недолгой. Он быстро свернул с этого пути по причинам философским, мировоззренческим. Он выработал свой оригинальный взгляд не только на движение диссидентов-правозащитников и их деятельность, по сути, жертвенную, но и на самиздат, отделяя его от диссидентства. «Самиздат, – писал А. И. Фет, – более значительное явление, чем диссидентское движение, и занимались им не только диссиденты, но они сделали свой вклад в самиздат, и в этом их историческая роль» [18, с. 271]. Для А. И. Фета самиздат стал на рубеже 1960–1970х гг. не только формой выражения инакомыслия, но и способом существования – заработком, образом мышления и, можно сказать, жизни. И если сначала он делал это «конспиративно» [10, с. 95], то затем «делал переводы уже разрешенные». Так что он мог писать собственные книги, сформировав оригинальное мировоззрение на стыке многих наук.

⁷ Фет А. И. Польская революция. Лондон, 1985. Открытый архив СО РАН. URL http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshml?id=F1_1517 (дата обращения 26.12.2022).

⁶ Человеческая трагедия // Русская мысль. 1968. № 2667.

Главной своей книгой А. И. Фет считал объемную монографию «Инстинкт и социальное поведение», которую задумал, видимо, еще в конце 1960-х гг. (впервые опубликована в 2005 г.). В ней он совместил темы эволюции социального инстинкта человека и истории общества в целом, от «возникновения неравенства» из родового строя до «конца коммунизма» и «глобализации капитализма» (названия глав книги). Выход из исторического тупика, куда заводит человечество «общество потребления», состоит в создании «гуманистической субкультуры, *бескорыстно*⁸ стремящейся к своей цели», а по-русски «интеллектуальной» [16, с. 582]. На дух и строй этой книги явно повлияла книга Э. Фромма «Бегство от свободы» – апология демократически устроенного общества, которую А. Фет тоже перевел и которая заканчивалась предостережением от превращения человека «в винтик гигантской машины» и пожеланием «активно участвовать в социальном прогрессе» [20, с. 229]. Заметим, что феномен свободы Э. Фромм рассматривает с точки зрения психиатрии – первая глава его книги так и называется: «Свобода – психологическая проблема?».

Зная о столь насыщенной переводческой работе А. И. Фета и столь же кропотливым труде по перепечатыванию сборника «Процесс четырех», можно предположить, что возникало некое единое семантическое поле осознания и восприятия этих двух видов его деятельности. И тексту «Процесса четырех» он мог придавать характер «человеческого документа» о реакции диссидентски настроенной интеллигенции на социальную и правовую несправедливость, реакции психологически, биологически и исторически окрашенной. В то же время и сам А. Фет выступал как своеобразный «документ» того слоя интеллигенции, который сложился в новосибирском Академгородке в 1960-е гг. из людей, в значительной части приехавших из Москвы, Ленинграда и других городов европейской России, так или иначе причастных к диссидентству. Среди них немалую роль играли представители точных и естественных наук: математики, физики, химии, биологии и т.д. Достаточно сказать, что составитель «Процесса четырех» П. Литвинов был физиком по образованию, преподавателем в московском Институте тонких химических технологий. Очень много ученых-«технарей» среди подписантов писем в поддержку обвиняемых начиная с письма семидесяти девяти Генеральному прокурору СССР, и особенно – с письма двухсот двадцати четырех. Новосибирское письмо сорока шести в подавляющем большинстве подписали представители точных наук из институтов Академгородка. Не случайно это письмо в зарубежной печати назвали «Протестом ученых» («Посев», июль 1968).

Самым авторитетным лицом для научно-технической интеллигенции был, безусловно,

⁸ Выделено А. И. Фетом.

академик А. Сахаров. Известную свою работу «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968) он начал с того, что его «взгляды формировались в среде научной и научно-технической интеллигенции, которая проявляла очень большую озабоченность в принципиальных и конкретных вопросах внешней и внутренней политики, в вопросах будущего человечества» [21, с. 62–63]. И поднимал другой вопрос – о «научном методе руководства политикой, экономикой, искусством, образованием и военным делом» [21, с. 63]. Это соответствует тем большим надеждам, которые возлагал А. И. Фет на русскую интеллигенцию в целом.

Упомянул А. Сахаров в этой статье и «Процесс четырех», назвав его позором для страны. Еще 11 февраля 1967 г. он обратился в ЦК КПСС с просьбой о прекращении дела А. Гинзбурга и Ю. Галанкова, но «не получил никакого ответа». А много позднее узнал о роли КГБ и А. Добровольского «в клевете на подсудимых». Возможно, и этот факт защиты А. Гинзбурга и Ю. Галанкова самим А. Сахаровым сыграл роль в изготовлении новосибирской копии сборника «Процесс четырех» А. И. Фетом, также пострадавшим от преследований за поставленную им подпись. В апреле 1968 г. в Институте математики СО АН СССР, где он работал, состоялись партийные собрания и ученый совет, где прорабатывались четверо сотрудников, подписавших это письмо. Первый же выступавший на партсобрании сказал, что «Фет, если бы подобное письмо дали ему вторично, он подписал бы его снова, так как считает, что осужденные антисоветчики привлечены к уголовной ответственности неправильно» [17, с. 204]. Тем более что в вину всем подписантам ставили, что письмо было передано на радио «Голос Америки» и прозвучало в эфире. В результате уволен из института был только один А. И. Фет, так как «был главной мишенью наезда ввиду своих известных убеждений» [17, с. 216]. Эти убеждения не позволили ему открыть имя того, кто предложил подписать письмо, которое, скорее всего, «организовали московские диссиденты» [17, с. 216]. Но это могла быть и сознательная провокация «органов» по выявлению инакомыслящих в среде ученых. Тем не менее некоторые из ветеранов Академгородка называют возможными инициаторами письма В. Делоне или И. Хохлушкина. О В. Делоне весьма уверенно пишет М. С. Качан: «Он был вдохновителем январских подписантов и информатором подписантов. Да и текст письма, скорее всего, был передан именно в его руки» [22, с. 34].

Но более вероятен в этой роли И. Хохлушкин. Этот сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР еще в начале 1950-х гг. был осужден за «антисоветскую деятельность» и имел прочные связи с диссидентами в Москве. Скорее всего, именно он привез во второй половине 1968 г. (см. дату

составления сборника «Процесс четырех» – 24 августа 1968 г.) машинопись, с которой А. И. Фет в дальнейшем сделал копию (не исключено, что и сам А. И. Фет мог привезти машинопись). Есть и свидетельство того, кто видел рукопись, возможно, ту самую: И. Хохлушкин, С. Андреев, Л. Лозовский и В. Захаров «инициировали стенограммы судебного процесса по делу Гинзбурга, распечатанные на тонкой такой, мягкой, шелестящей бумаге», пишет сотрудница Института гидродинамики СО АН СССР М. П. Гавриленко в своих воспоминаниях [17, с. 82]. В своих поздних статьях и воспоминаниях А. И. Фет не упоминает имя И. Хохлушкина, как и других знакомых диссидентов. Но, возможно, в том числе и благодаря ему А. И. Фет сравнил диссидентов и их деятельность с христианскими сектантами, «не организованными в общины (...), вроде толстовцев» [17, с. 129] – по той причине, что И. Хохлушкин был поклонником и пропагандистом творчества А. Солженицына (входил в список 117 «тайных помощников» писателя), который «тысячью нитей связан с русским национализмом» [23, с. 188], неприемлемым для А. И. Фета.

Таким образом, уникальность факта создания А. И. Фетом в новосибирском Академгородке копии «московского» сборника материалов по «Процессу четырех» основывается на нескольких обстоятельствах. Во-первых, это оперативность (оговоримся, однако, точная дата появления рукописи остается неизвестной) создания этой копии объемом в почти 400 машинописных страниц убористо напечатанного текста с одиночным интервалом. Способствовало этому, во-вторых, письмо сорока шести, получившее большой резонанс не только в СССР и послужившее, очевидно, хорошим стимулом для диссидентского движения в Новосибирске и за его пределами в распространении материалов самиздата, включая сборник «Процесс четырех». А сборник, со своей стороны, информировал об этом письме, входившем в его состав. В-третьих, уникален текст машинописи, имеющий ряд расхождений с другими копиями, в частности, с самой известной, вышедшей книгой в 1971 г. в Фонде А. Герцена в Амстердаме.

Главной, на наш взгляд, особенностью рассматриваемой здесь машинописи является печатание А. И. Фетом рукописи поблочно, частями, точно соответствующими частям книги и имевшими, как мы знаем, свою нумерацию, только потом исправленную на сквозную. Это, кстати, может быть свидетельством и того, что рукопись поступала А. Фету тоже по частям, порядок расположения в тексте которых он мог и не знать. Некоторым, хотя и неточным, подтверждением этому являются уже цитированные воспоминания М. П. Гавриленко, которая говорила о «распечатанных на тонкой, мягкой, шелестящей бумаге» неких «стенограммах судебного процесса». Такого же

рода тонкая и шелестящая бумага – папиросная – использована и в копии А. Фета, отсюда возникает версия, что не все части машинописи могли быть отпечатаны только им, в нее могли войти уже изготовленные и привезенные из Москвы. Особенно это касается части V «Освещение дела в печати», отпечатанной папиросной бумаге, тогда как другие части, например III, с допросами подсудимых – «стенограммами», напечатаны на более плотной бумаге, заметны также различия в шрифте.

То, что «Процесс четырех» фигурировал в самиздате в том числе и блоками (частями сборника), и главами (документами) внутри блока, подтверждает текст «Процесса четырех», входящий в «Собрание документов самиздата», изданное в Нью-Йорке и хранящееся в обществе «Мемориал» (Москва). Сам сборник помещен здесь в томе 2 под № 107, датированный 1967–1968 гг., редакторами и составителями значатся Литвинов П. М., Амальрик А. А., количество страниц – 225. При этом вместо документов, имеющих в «каноническом» издании 1971 г. (Амстердам) свои номера – в основном письма в защиту четырех, в тексте сборника даны ссылки, что эти документы находятся в т. 1 «Собрания...». Получается, что письмо двухсот двадцати четырех, письмо И. Межовой, заявление А. Левитина, письмо восьми, письмо ста двадцати одного, письмо двадцати пяти, письмо сорока шести, письмо А. Квачевского, письмо Л. Копелева (№ 18–25) и другие одновременно являются и принадлежащими сборнику «Процесс четырех», и самостоятельными документами.

В свете этих фактов текст сборника «Процесс четырех», либо перепечатанный А. И. Фетом с полного текста сборника П. Литвинова, либо составленный им из присланных из Москвы и уже готовых документов, может считаться действительно уникальным в ряду других самиздатовских копий. В связи с этим назовем и следующий, четвертый фактор, придающий машинописи из «библиотеки самиздата» А. И. Фета своеобразие: это сам Абрам Ильич Фет – личность, далеко выходящая за рамки типичного диссидента-правозащитника. Он «был поистине выдающимся и удивительно разносторонним человеком», – писал в аннотации к изданию трех произведений К. Лоренца в издании 2008 г. друг и соратник А. И. Фета А. В. Гладкий. «Широта и глубина его интеллектуальных интересов и знаний были совершенно необъятны для нашей эпохи», – писал он далее [19]. Без знания о А. И. Фете и особенностях его мировоззрения восприятие сборника «Процесс четырех» из его собрания самиздата – этого важного документа эпохи послеоттепельного диссидентства, – было бы неполным. Это дополняет и расширяет наши представления о значимом для истории инакомыслия в России явлении.

Заключение

Сборник «Процесс четырех» необходимо квалифицировать как текст, имеющий значимость не только историческую, но и культурологическую, требующий многоаспектного подхода и изучения. Получивший в ходе своего формирования характер пограничного, между «литературным» и «правозащитным» жанрами документа самиздата, сборник требует и соответствующего нестандартного подхода к его анализу, выработке особой методики на границе методов исторического, литературоведческого, биографического. Изучение истории создания А. И. Фетом новосибирской копии сборника свидетельствует о тесной

связи А. И. Фета с московскими изготовителями текста, неизбежно заставляя исследовать его личность, мировоззрение, психологию. Можно утверждать, что сборник «Процесс четырех» был для него таким же предметом, объектом изучения, как и переводимые им книги биологов и философов К. Лоренца, Э. Берна, Э. Фромма и др. Таким образом, вопрос о принадлежности новосибирской копии сборника «Процесс четырех» одному или нескольким авторам превращается в проблему более общего характера, касающуюся как становления самиздата в центре и регионах СССР, так и деятельности инакомыслящей интеллигенции эпохи в целом.

Список источников

1. Кузовкин Г. Научное издание «Хроники текущих событий» и новые возможности для изучения самиздата // *Acta samizdatica*. 2015. Пилот. вып. С. 36–45.
2. Даниэль А. Истоки и смысл советского самиздата. // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е. Москва, 2015. Т 1, кн. 1. С. 17–33.
3. Русина Ю. А. Самиздат в СССР: тексты и судьбы. Санкт-Петербург : Алетейя ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 204 с.
4. Алексеева Л. А. История инакомыслия в СССР. Москва : Б.С.Г.-Пресс, 2022. 416 с.
5. Серебрякова Е. Г. «Процесс четырех» в контексте «петиционных кампаний» советских неконформистов 1960-х гг.: становление категории идентичности «правозащитник» // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2019. № 34. С. 73–83.
6. Савенко Е. Н. Свободное слово: очерки самиздата Сибири (1920–1990 гг.). Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2017. 480 с.
7. О «литературности», «документализме» и «юридическом языке» записей суда над Бродским // *Acta samizdatica*. 2018. Вып. 4. С. 249–278.
8. Морев Г. Диссиденты. Москва : АСТ, 2017. 416 с.
9. Сокращенная стенограмма заседания Круглого стола (3 марта 2014 г.): «Что такое самиздат?» // *Acta samizdatica*. 2015. Вып. 2. С. 10–38.
10. Фет А. И. Собрание сочинений. Т. 7. Rehoboth, 2015. 248 с.
11. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Москва : Прогресс, 1988. 400 с.
12. Добровольский А. Взаимоотношения знания и веры. Апологетический опыт Алексея Добровольского // *Грани (Франкфурт-на-Майне)*. 1967. № 64. С. 194–201.
13. Савенко Е. Н. Автор предпочел остаться неизвестным // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2011. № 3. С. 89–92.
14. Фет В., Голубовский М. А. И. Фет и его книга «Инстинкт и социальное поведение» // *Мосты (Франкфурт-на-Майне)*. 2009. № 21. С. 2–10.

15. Gladky A. V., Petrova L. P., Khlebopros R. G. Abraham I. Fet (1924–2007). In memory of the 90th anniversary // *Progress in Physic*. 2015. Vol. 11, no. 3. P. 283–284.
16. Фет А. И. Собрание сочинений. Т. 1. Rehoboth, 2015. 585 с.
17. Кузнецов И. С. Новосибирский Академгородок: «письмо сорока шести». Новосибирск : Клио, 2007. 332 с.
18. Фет А. И. Собрание сочинений. Т. 5. Rehoboth, 2015. 323 с.
19. Лоренц К. Так называемое зло. Москва : Культурная революция, 2008. 616 с.
20. Фромм Э. Бегство от свободы. Москва : Прогресс, 1989. 272 с.
21. Сахаров А. Тревога и надежда. Т. 1. Москва : Время, 2006. 688 с.
22. Качан М. Мой Академгородок. Ч. 1. Сакраменто : Great Space, 2017. 258 с.
23. Фет А. И. Собрание сочинений. Т. 6. Rehoboth, 2015. 255 с.

References

1. Kuzovkin G. Scientific publication «Chronicles of current events» and new opportunities for the study of samizdat. *Acta samizdatica*, 2015, pilot iss.: 36–45. (In Russ.).
2. Daniel A. Origins and meaning of Soviet samizdat. *Antologiya samizdata. Nepodtsenzurnaya literatura v SSSR. 1950-e – 1980-e*. Moscow, 2015, vol. 1, bk. 1: 17–33. (In Russ.).
3. Rusina Yu. A. *Samizdat v SSSR: teksty i sud'by* [Samizdat in the USSR: texts and fates]. Saint Petersburg, Aletheia; Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2019. 204 p. (In Russ.).
4. Alekseeva L. A. *Istoriya inakomysliya v SSSR* [History of dissent in the USSR]. Moscow, B.S.G. Press, 2022. 416 p. (In Russ.).
5. Serebryakova E. G. «The process of four» in the context of the «petition campaigns» of Soviet non-conformists of the 1960s: the formation of the category of identity «human rights activist». *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye*, 2019, 34: 73–83. (In Russ.).
6. Savenko E. N. *Svobodnoye slovo: ocherki samizdata Sibiri (1920–1990 gg.)* [Free speech: essays on samizdat Siberia (1920–1990)]. Novosibirsk, GPNTB SO RAN, 2017. 480 p. (In Russ.).

7. On the «literary», «documentary» and «legal language» of records of the trial of Brodsky. *Acta samizdatica*, 2018, 4: 249–278. (In Russ.).
8. Morev G. *Dissidenty* [Dissidents]. Moscow, AST, 2017. 416 p. (In Russ.).
9. Abridged transcript of the Round Table meeting (March 3, 2014): «What is samizdat?». *Acta samizdatica*, 2015, 2: 10–38. (In Russ.).
10. Fet A. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 7. Rehoboth, 2015. 248 p. (In Russ.).
11. Bern E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Psikhologiya chelovecheskikh vzaimootnoshenii. Lyudi, kotorye igrayut v igry. Psikhologiya chelovecheskoi sud'by* [Games that people play. Psychology of human relationships. People who play games. Psychology of human destiny]. Moscow, Progress, 1988. 400 p. (In Russ.).
12. Dobrovolsky A. The relationship of knowledge and faith. Apologetic experience of Alexei Dobrovolsky. *Grani* (Frankfurt am Main), 1967, 64: 194–201. (In Russ.).
13. Savenko E. N. The author preferred to remain anonymous. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2011, 3: 89–92. (In Russ.).
14. Fet V., Golubovsky M. A. I. Fet and his book «Instinct and Social Behavior». *Mosty* (Frankfurt am Main), 2009, 21: 2–10. (In Russ.).
15. Gladky A. V., Petrova L. P., Khlebopros R. G. Abraham I. Fet (1924–2007). In memory of the 90th anniversary. *Progress in Physic*, 2015, 11(3): 283–284.
16. Fet A. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 1. Rehoboth, 2015. 585 p. (In Russ.).
17. Kuznetsov I. S. *Novosibirskiy Akademgorodok: «pis'mo 46-ti»* [Novosibirsk Akademgorodok: «Letter of 46»]. Novosibirsk, Clio, 2007. 332 p. (In Russ.).
18. Fet A. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 5. Rehoboth, 2015. Vol. 5. 323 p. (In Russ.).
19. Lorenz K. *Tak nazyvaemoe zlo* [The so-called evil]. Moscow, Cultural Revolution, 2008. 616 p. (In Russ.).
20. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow, Progress, 1989. 272 p. (In Russ.).
21. Sakharov A. *Trevoga i nadezhdy* [Anxiety and hope]. Vol. 1. Moscow, Vremya, 2006. 688 p. (In Russ.).
22. Kachan M. *Moi Akagemgorodok* [My Academgorodok]. Pt. 1. Sacramento, Great Space, 2017. 258 p. (In Russ.).
23. Fet A. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 6. Rehoboth, 2015. 255 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.09.2022
Получена после доработки 15.11.2021
Принята для публикации 27.12.2022

Received 30.09.2022
Revised 15.11.2021
Accepted 27.12.2022